

Pospíšil, Ivo

**Проблема иностранной (русской) филологии/богемистики и Сергей
Никольский**

Новая русистика. 2022, vol. 15, iss. 1, pp. 67-73

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2022-1-5>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/145048>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Проблема иностранной (русской) филологии/богемистики и Сергей Никольский

Иво Поспишил

(Брно, Чешская Республика)

Известен незаменимый вклад иностранной филологии в исследование отечественного языка и литературы; в случае литературоведческой богемистики речь идет, например, о немецких, английских, польских, французских, русских и других исследователях, которые вносят в свои попытки анализа и синтеза свой культурный, общенаучный и методологический опыт и смотрят на иностранную литературу через призму своей отечественной литературы.

С этой точки зрения следует отметить, что, как правило, именно иностранные филологи-литературоведы, может быть, по врожденной вежливости и, кажется, вследствие тактичного подхода, повторяют оценки отечественного литературоведения, не желая вступить в конфликт. Судьба Сергея Никольского (1922–2015) показывает, что намного плодотворнее самостоятельный, полностью независимый подход, как можно больше отличающийся от приемов и оценочных иерархий отечественной, т. е. в данном случае чешской богемистики. В 50-е годы 20 века — разумеется, в результате счастливого случая, стечения обстоятельств или намеренного подхода некоторых просвещенных чешских богемистов и чапковедов, он посредством своего послесловия, оперативно переведенного на чешский в форме отдельной брошюры, оказал принципиальное воздействие на своего рода реабилитацию Карела Чапека.

Его предисловие о Кареле Чапеке было сразу же переведено на чешский язык, и, таким образом, была реабилитирована личность Чапека и он снова стал избирательно издаваться в Чехословакии; до этого времени после 1948 г. его произведения были частично запрещены и не издавались (см. [NIKOLSKIJ 1952]). Речь шла о предисловии к избранному Карела Чапека, которое вышло

в 1950 г. в Гослитиздате. Это, однако, далеко не все. Он заново посмотрел на доминантные пласты творчества Карела Чапека и в последнее время использовал новые сравнительные и документальные подходы к произведениям Чапека и Гашека и превзошел, таким образом, и чешскую богемистику. Он и другие русские богемисты служат примером незаменимости иностранной филологии в процессе изучения отечественных художественных произведений и, в общем, восприятия, интерпретации и оценки литературы как таковой (Из его книг о Чапеке: [NIKOLSKIJ 1966; NIKOLSKIJ 1967; NIKOLSKIJ 1968; NIKOLSKIJ 2009]. Он открыл и новые подходы к роману Ярослава Гашека *Бравый солдат Швейк*, см. его книгу [NIKOLSKIJ 1997]. См. нашу рецензию [POSPÍŠIL 2002]).

В нашем журнале *Новая Русистика* мы в 2012 г. в честь 90-летия со дня его рождения опубликовали выдержку из его книги о Чапеке, Булгакове и Гашеке под названием *Поэтика зашифрованных мотивов и параллельных семантических полей* [POSPÍŠIL 2021, 55–67].

Типичен в этом случае выбор Никольским именно этих двух писателей. Оба относятся к канону мировой литературы, это несомненно, может быть, это были первые чешские писатели с мировой репутацией. Кроме того, они обладали чутьем и визионерскими способностями. Между тем как Ярослав Гашек, особыми узами связанный с судьбами России, подчеркивал чешскую реакцию на мировые катастрофы, Чапек сумел показать и будущие угрозы, так что я в одной статье охарактеризовал его как аналитика угроз и катастроф. Знатокам его творчества не надо напоминать о том, в чем дело и каких произведений это касается — по-моему всех, хотя в нескольких случаях, например в романной трилогии или в «карманных» рассказах, это скорее в притушенной форме личных провалов. Именно Карел Чапек является тем, кто связывает меня с Сергеем Никольским наиболее прочно.

Судьба Карела Чапека как писателя странная. В 10-е годы 20 века его поколение стало во главе новой чешской литературы и сам писатель после коротких стажировок в довоенном Париже и Берлине стал вместе с братом наиболее заметным писателем младшего поколения. Они — в отличие от предыдущих поколений, ориентированных на позитивизм и немецкую философию воли — Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше, в литературе на скандинавскую драматургию Генрика Ибсена, — указывали на значительную роль французского модернизма, т. е. декаданса и символизма. В годы первой мировой войны Чапек переводил эту поэзию с французского как выражение особого протеста против центральных держав под названием *Французская поэзия нового времени (Francouzská poezie nové doby)*. Ведущая личность чешской поэзии последующего поколения Витезслав Незвал назвал этот том в 30-е годы 20 века по случаю нового издания стержневым произведением, которое

образовало весь язык современной чешской поэзии. Братья Чапеки (Йосеф был прозаиком и живописцем) — оба, но главным образом Карел, были новаторами чешской литературы: поэзия, лиризованная проза, современная драма, научная фантастика, дистопические романы-предостережения. Карел Чапек был, сверх того, журналист и политик, своего рода связанный с президентом Масариком — его считали центром так называемого крыла Пражского Кремля («Hradní křídlo»), т. е. умеренно левого либерального течения демократической ориентации — демократия есть дискуссия, необходимо принять возможность существования других взглядов — к которому принадлежал, например, ведущий чешский журналист Фердинанд Пероутка, которому президент дал деньги на основание журнала *Настоящее* (Přítomnost). Именно в анкете этого журнала *Почему я не коммунист?* Чапек, близкий упомянутым умеренным левым тенденциям, объяснил свое отличие от коммунистической идеологии с ее тяготением к насилию, манипуляции массами и их злоупотреблением и культом власти. Его критика правильна, но он нигде не проводит выход из общественного положения, не советует, как решать проблемы, от которых он сам как интеллигент страдает, которые типичны для тогдашнего общества, он констатирует, что есть бедные и богатые, но советует благотворительность, филантропию, которая, как мы видим и сейчас, ничего не решает. Периферийное замечание: в анкете принял участие и известный чешский католический поэт и романист Ярослав Дурых, поклонник путча генерала Франко в Испании, один из немногих в чешской культуре, кто был против испанских республиканцев. Он выразил — поразительно — свои симпатии к коммунизму, именно то, что критикует Чапек; его удовлетворяет массовость, экзальтация, фанатическая вера. Демократ Пероутка решился — вопреки демократическим принципам, необходимости принять возможность существования других взглядов — его ответы не опубликовывать, так что они стали известны только в томе публицистики Дурыха, в издании которого принимал участие его сын.

Я обращался к Карелу Чапеку несколько раз в разных статьях, некоторые из них стали составными разделами отдельных книг. В 1990 г. я познакомился с чешкой, Богуславой Брэдбрук (Bohuslava Bradbrook, 1922–2019), живущей в эмиграции в Англии, она тогда стала работать над книгой о Чапеке, так как ее обеспокоило то, что самый популярный европейский писатель в США и в англосаксонском мире вообще теперь никому не известен и все к нему совершенно равнодушны. Английский богемист Джеймс Нотон (James Naughton, скончался 2014), с которым мы с Богуславой Брэдбрук, моей женой и младшим сыном встретились в Оксфорде, где Нотон преподавал чешский, в разговоре с нами подчеркивал именно значение новых переводов на

английский. Книга была издана в 1998 г., несколько лет спустя и благодаря редактору Дане Покорной в Праге в чешском переводе.¹ Она была, как она сама ожидала, раскритикована (это очень личная история) известным английским богемистом Робертом Пинсентом (Robert Pynsent, рожд. 1943), который, как он всегда пишет, знает только одного Чапека чешской литературы, а именно чешского натуралиста Карела Матея Чапека-Хода, так как Карел Чапек лишь журналист и публицист — книга, по его мнению, методологически слишком старомодна.

В сравнительно далеком прошлом я занимался Чапеком лишь немного² в рамках литературной критики, в конце 80-х гг. 20 века я опубликовал статью и прочитал в Брно доклад на эту тему о Кареле Чапеке в присутствии известного словацкого компаративиста Диониза Дюришина, членом исследовательского коллектива я тогда числился, и написал статью о Чапеке на фоне тендряковской повести *Шестьдесят свечей* (1980, чешский перевод 1985), в которой он цитирует рассказ Чапека *Убийственна атака / Покушение на убийство из Рассказов из одного кармана*.

Карел Чапек шокирующим образом предвидел, предвосхищал разные угрозы: кроме врожденного человеческого эгоизма, антигуманизма, геноцида, корыстолюбия — это и тенденция к собственному самоубийству, самоуничтожению, утрата инстинкта самосохранения, что проявляется еще в его ранних пьесах, напр. *Из жизни насекомых*.

Литература угроз и катастроф является и у К. Чапека результатом ужасного кризиса и разрухи под влиянием войны или лицом к лицу с безмерным эгоизмом и антагонистическими отношениями между поколениями. От идеалов и иллюзий шиллеровской драмы *Разбойник* или *Адам-творец/сотворитель* дорога ведет Чапека к таким дистопическим прозаическим структурам, как, например, *РУР*, *Фабрика Абсолюта* или *Кракатит*.

В творчестве Карела Чапека есть и несколько полузабытых артефактов, которые, может быть, еще более интенсивно подчеркивают упомянутую красную нить угроз и катастроф, например, *Скандальная афера Йозефа Голоушека* (*Skandální aféra Josefa Holouška*, 1927). Сюжеты зачастую связаны с технологическим прогрессом и его темными аспектами и теневыми сторонами. *Фабрика Абсолюта* (*Továrna na absolutno*, 1922), *Кракатит* (*Krakatit*, 1922), драма *Средство Макропулоса* (*Věc Makropulos*, 1922), проблематика оружия массового уничтожения и несправедливого общественного строя в *Фабрике*

1 См. [BRADBROOK 1998], [BRADBROOKOVÁ 2005].

2 [POSPÍŠIL 1990, 257–265]. В новой версии приводится и в нашей книге [POSPÍŠIL 1998], [POSPÍŠIL 1999a, 225–233], [POSPÍŠIL 1999b, 99–100], [POSPÍŠIL 2008, 109–118], [POSPÍŠIL 2010, 131–142].

Абсолюта (*Továrna na absolutno*, 1922), когда речь идет об угрозе его внутреннего изменения, его тотального преобразования или, как сейчас говорится, рестарта. Проблематика бессмертия, ее философские и экзистенциальные последствия в *Средстве Макроплулос* связаны с вопросами, которые тогда были совсем новыми, но сейчас они являются нашим хлебом насущным, как и биологические средства массового уничтожения в *Белой болезни*, шокирующим образом предвосхищающей современные события. Актуально предостережение, что человек не сможет преодолеть свой эгоизм, корыстолюбие, любовь к власти и господству над людьми даже вопреки тому, что ему угрожает тотальное истребление.

Кажется, что вершиной этой темы в его творчестве является роман *Война с саламандрами* (*Válka s mlouky*, 1936), ужасающая картина истребления человечества, которое само виновато в этой катастрофе. С морфологической точки зрения это, в основном, модернистская структура, своего рода коллаж, пародия на все и травестия всего, сатира и сарказм на незрелость человечества и его самоубийственную сущность, на преступный общественный строй, на продажность журналистов; интересно то, что и конец человечества связан с Чехией, Богемией, с появлением головы саламандра в Влтаве. Начало, таким образом, связано с концовкой, подобно как в древних мифах змей пожирает свой собственный хвост. Чапек, как в эпилогах и незавершенных концовках романов Достоевского, вынужден сделать что-то в этом роде. Что будет с человечеством?

Из-за суггестивности и поразительной точности и злободневности я привожу здесь фрагмент сравнительно объемной выдержки из эпилога с названием *Автор беседует сам с собой* (русский перевод А. Гурович), которую я впервые привел как рекомендацию (немного — по образцу Карела Чапека — провокативно, так как выдержка, несомненно, не способствует спокойствию) рождественского чтения читателям русского журнала *Парус*: «— Не спрашивай, чего я хочу. Думаешь, по моей воле рушатся континенты, думаешь, я хотел такого конца? Это простая логика событий; могу ли я в нее вмешиваться? Я делал, что мог; своевременно предупреждал людей; ведь Икс — это отчасти был я. Я зывал: не давайте саламандрам оружия и взрывчатых веществ, прекратите отвратительные сделки с саламандрами и так далее — ты знаешь, что получилось... Все приводили тысячи безусловно правильных экономических и политических доводов, доказывая, что иначе поступить нельзя. Я не политик и не экономист; я не мог их переубедить. Что делать, по-видимому, мир должен погибнуть; но по крайней мере это произойдет на основании общепризнанных экономических и политических соображений; по крайней мере это совершится с благословения науки, техники и общественного мнения, причем будет пущена

в ход вся человеческая изобретательность! Никакой космической катастрофы — только интересы государственные и хозяйственные, соображения престижа и прочее... Против этого ничего не поделаешь.» [Kruglyj...].

Text příspěvku za nepřítomnosti autora přečteného na „kulatém stole“ v Moskvě věnovaném stému výročí narození Sergeje Nikolského, bohemisty, který se v 50. letech 20. století zasloužil o znovuvydávání díla Karla Čapka v tehdejší Československu.

Библиография:

- BRADBROOK, B. (1998): *Karel Čapek. In Pursuit of Truth, Tolerance, and Trust*. Brighton.
- BRADBROOKOVÁ, B. (2005): *Karel Čapek. Hledání pravdy, poctivosti a pokory*. Praha.
- Kruglyj stol «Roždestvenskije čtenija». Čto čitat' zimoj?* Parus, 2015. <<http://parus.ruspole.info/node/6870>>. [online]. [cit. 26.04.2022].
- NIKOLSKIJ, S. V. (1997): *Istorija obraza Švejka. Novoje o Jaroslave Gaške i jeho geroje*. Moskva.
- NIKOLSKIJ, S. V. (1952): *Karel Čapek*. Praha.
- NIKOLSKIJ, S. V. (1967): *Karel Čapek — fantast i satirik. Fabrika Absoljuta. Belaja bolezň*. Moskva.
- NIKOLSKIJ, S. V. (2009): *Nad stranicami antiutopij K. Čapeka i M. Bulgakova. Poëtika skrytych motivov*. Moskva.
- NIKOLSKIJ, S. V. (1968): *Roman Karela Čapeka Vojna s salamandrami: struktura i žanr*. Moskva.
- NIKOLSKIJ, S. V. (1966): *Fantastičeskije proizvedenija Karela Čapeka*. In: ČAPEK, K.: R.U.R. Sredstvo Makropulosa. Vojna s salamandrami. Fantastičeskije rassказы. Moskva, s. 5–23.
- POSPÍŠIL, I. (2002): *Zasvěcené knihy nestárnoucího bohemisty (Sergej Nikolskij)*. KAM-příloha, 2002, č. 9, s. VIII–IX.
- POSPÍŠIL, I. (2012): *Poëtika zašifrovanných motivov i paralel'nych semantičeských polej*. Novaja Rusistika, 2012, 1, s. 55–67.
- POSPÍŠIL, I. (1990): *Jedna česko-ruská literární spirála (Dostojevskij — Čapek — Těndrjakov)*. Čs. rusistika, 1990, 5, s. 257–265.
- POSPÍŠIL, I. (1998): *Genologie a proměny literatury*. Brno.
- POSPÍŠIL, I. (1999a): *Dva poljusa bytija: anglo-amerikanskij ěmpirizm-pragmatizm i «ruskaja tema» u Karela Čapeka*. In: KOWALCZYK, W. (red.): *Związki między literaturami narodów słowiańskich w XIX i XX wieku*. Lublin, s. 225–233.
- POSPÍŠIL, I. (1999b): *Potíže s Karlem Čapkem*. In: DOROVSKÝ, I. (ed.): *Studie z literár-něvědné slavistiky*. Brno, s. 94–100.

POSPÍŠIL, I. (2008): *Karel Čapek — przypadek prawie zapomnianego mistrza człowieczeństwa i tolerancji*. In: GAZDA, G., HÜBNER, I., PŁUCIENNIK, J. (red.): *Dyskursy i przestrzenie (nie)TOLERANCJI*. Łódź, s. 109–118.

POSPÍŠIL, I. (2010): *Singularity and the Czech Interwar Essay among the Currents: František Xaver Šalda, Karel Čapek, and Jaroslav Durych*. *Primerjalna književnost* 33, 2010, št. 1, s. 131–142.

Summary

The Problem of Foreign (Russian) Philology/Czech Studies and Sergey Nikolsky

The author of the present treatise deals with the role of foreign and domestic philology in the reception of literature in relation to the inventive role of Sergey Nikolsky, a Russian specialist in Czech literature, prevalently in the work of Karel Čapek and Jaroslav Hašek. The author accentuates the importance of his choice of the Czech authors he occupied himself with in accordance with their leading position in world literature and demonstrates Karel Čapek as a visionary or, as he calls him, “an analyst of threats and disasters” Čapek confirms by nearly all his prose and dramatic works probably except some of his detective stories or a novel trilogy, though even they represent threats and catastrophes, but rather hidden ones. In the end, the author of the present treatise quotes a short passage from the explicit of Čapek’s novel *War with the Newts* (1935–36).

About the author

Ivo Pospíšil, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic, ivo.pospisil@phil.muni.cz

